

Кармен Луна

Сладости
создают
более
счастливый
мир

КОРОЛЕВА
МАКАРУНОВ
для Его
ВЕЛИЧЕСТВА

Кармен Луна Королева макарунов для Его Величества

<https://litres.ru/74429064>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я попала в чужое тело, получила сомнительную репутацию ведьмы и оказалась на королевской кухне. Теперь я должна выиграть конкурс, готовить для опасного короля, который не чувствует ни боли, ни вкуса И при этом не сгореть в пекле интриг, магии и женской зависти. Я не ищу власти. Но если кто и сможет растопить лёд на троне — так это я. С одним макаруном.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	21
Глава 5	34
Глава 6	44
Глава 7	54
Глава 8	60
Глава 9	69
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Кармен Луна

Королева макарунов

для Его Величества

Королева макарунов для Его Величества

Кармен Луна

Аннотация:

Я попала в чужое тело, получила сомнительную репутацию ведьмы и оказалась на королевской кухне. Теперь я должна выиграть конкурс, готовить для опасного короля, который не чувствует ни боли, ни вкуса... И при этом не сгореть в пекле интриг, магии и женской зависти. Я не ищу власти. Но если кто и сможет растопить лёд на троне — так это я. С одним макаруном.

Глава 1

В жизни каждой девушки бывают утренние катастрофы. Некоторые из них связаны с мужчинами. Другие — с кофе, который закончился в самый неподходящий момент. Моя — с макаронами.

А ещё — с тем, что я на грани увольнения, у меня под носом тикает карьерная бомба, а в руках я держу коробку домашних десертов, которая должна спасти мою жалкую стажёрскую душу. Надежда пахнет фисташками, ванилью и каплей отчаяния.

И я бегу. На мне две туфли — слава духам сладкой выпечки — потому что если бы хоть одна осталась под кроватью, как вчерашний носок, я бы точно развернулась и легла обратно под одеяло, подложив под голову коробку, как символ недосбывшихся надежд.

Но нет. Я бегу. По улице, по городу, по судьбе — в буквальном смысле врезаясь в этот день плечом, бедром и всей своей, с позволения сказать, профессиональной репутацией.

Коробка с макаронами, прижатая к груди, шатается в такт моим шагам, угрожая раскрыться и высыпать на мостовую всю мою неуверенность, недосып и хрупкие макаруны. Пальцы дрожат. Волосы лезут в глаза. Ветром сдувает локоны и остатки самообладания. А мысли скачут, как бешеная обезьянка на сахаре:

«Главное — не урони. Главное — не запнись. Главное — улыбнись, даже если умрёшь по дороге.»

Макаруны, между прочим, не просто десерты. Это моя последняя молитва, завернутая в сахар и пудру, которую я выпекала до двух ночи, разговаривая с тестом, как с младенцем. Если шеф не впечатлится — я останусь без работы, без цели и, возможно, без нервной системы.

Именно поэтому, когда ветер швырнул мне под ноги обрывок газеты, а с другой стороны улицы кто-то пискнул жалобно и коротко — я не остановилась. До поры.

Честно — я не планировала спасти жизни. Особенно чужие. Особенно собачьи. Особенно в день, когда сама висела на волоске между увольнением и истерикой, держась за коробку макарунов как за спасательный круг, потому что, будем честны, никакого другого у меня уже не осталось.

Но она — эта нелепая, лохматая кроха с глазами размером с вселенскую обиду — выскочила на дорогу с таким трагизмом в лапах, будто её сценарий писал кто-то с наклонностями мелодраматичного мясника. Маленькое белое пятнышко на фоне гудящего мира, один шаг от финиша и вечной лапки. И я — да, именно я — среагировала первой. Потому что у меня, видимо, на лбу прописано «героизм по понедельникам».

Не думая, не анализируя, не вспоминая даже про то, что под рукой коробка с моими последними шансами на достойную жизнь, я рванула вперёд. Сквозь восклицания прохо-

жих, сквозь гудок трамвая, сквозь здравый смысл. Подобрала её — теплую, дрожащую, удивлённо молчащую — и в тот самый миг...

Мир сломался.

Гул исчез. Не стих — именно исчез, как выключенный фен, который слишком долго орал в ухо. Всё вокруг стало плотным, как горячий мёд, затянутым липкой невидимостью, от которой перехватывало дыхание. Воздух звенел. Пространство... скукожилось. Или, наоборот, лопнуло, как мыльный пузырь, пронзённый иглой. А потом — вспышка. Яркая, белая, наглая, как загар в ноябре. Она взорвалась мне в глаза, заполнила собой всё: звук, вкус, боль, движение. Я закричать не успела. Только успела подумать: «Вот и всё. Пошли макарунов.»

Глава 2

Когда я очнулась, лицо касалось чего-то мягкого и холодного. Не асфальта. Трава. Мокрая, шершаво-хрустящая, пахнущая росой и чужим миром. Под пальцами — земля, не городская, не тротуарная, а настоящая, живущая. Я медленно поднялась на локти, шмыгнула носом, попыталась вдохнуть — и в тот момент поняла, что дышу не воздухом, а сказкой.

Вокруг был лес. Но не тот, где шашлыки и пластиковые бутылки, а какой-то... театрально красивый. Как будто его рисовали в три слоя: туманный, розовый и золотой. Деревья — высокие, как амбиции недоучки-волшебника. Свет — как рассвет в фильмах, где любовь всегда побеждает. А рядом, аккуратно на расстоянии вытянутой руки, стоял чемодан. Старинный. Коричневый. С монограммой на замке. И сидела она. Болонка.

Та самая. Та, ради которой я, возможно, умерла или сошла с ума. Сидела, смотрела прямо на меня, тихо наклонив голову. И в её взгляде было слишком много интеллекта, чтобы считать это случайностью. Словно она подбирала слова. Словно знала, что я скажу. И, возможно, собиралась ответить.

И в ту секунду, лёжа на чужой траве, с чужой собакой и чемоданом неизвестного происхождения, я поняла только одно.

Я — в полной, восхитительно ароматной, сдобно-волшебной заднице.

Воздух был другой. Плотный, влажный, щекочущий кожу, будто кто-то насыпал в него ваниль с лавандой, а потом взболтал в небесной миске до состояния первородной магии. Он не пах ни бензином, ни городом. Здесь всё было чересчур... натуральным. Чересчур правильным. Чересчур сказочным, чтобы быть правдой.

Я моргнула, потом ещё раз. Попыталась сесть — и, черт возьми, в глазах всё поплыло, как в плохом фильме с дешёвыми спецэффектами. Земля подо мной качнулась, а прямо перед носом, аккурат между пальцами, прошмыгнул муравей. Я не успела даже возмутиться его дерзостью, потому что за спиной — вполне отчётливо — раздалось:

— Где мы?.. — Болонка настороженно втянула воздух и прижала уши; её нарочитое спокойствие не обмануло меня.

Голос. Собака. Говорит. Собака, черт возьми, разговаривает! Маленькая, белая, с бантом на шее и выражением лица, которое чаще бывает у философов, переживших пять разводов и два кризиса среднего возраста. Она сидела, заложив лапки, и смотрела на меня с тем самым выражением, которое обычно дарят особо одарённым официантам: «Ну и где, простите, моя подача?»

— Ты... ты заговорила... — прохрипела я, чувствуя, как осознание складывается в голове, как пьяный оригами из мокрой бумаги.

— А ты сменила лицо, — фыркнула она, но тут же насто-
роженно обняла мою руку. — Пахнешь знакомо. Странно.
Очень странно.

Её слова зазвенели внутри меня, как колокольчики на по-
хоронах здравого смысла. И я ощупала себя. Машинально.
Сначала — бёдра, живот, грудь...

Стоп. Стоп. СТОП.

Нет. Это не моя грудь. Она... выше уровнем, чем я при-
выкла, упругая, как будто сделанная вручную феями-грудо-
делами. И это точно не мой живот, потому что у меня там
обычно складки от шоколада и жизни, а тут — ровная гладь,
как будто кто-то прошёлся фотошопом по внутренней реаль-
ности.

Ногти. Длинные. Чёрт побери, идеальные, с изогнуты-
ми лунками и каким-то неприлично блестящим покрытием.
Мои? Никогда. Даже в самые успешные дни геля и надежд
— не мои. Голос — бархатный, низкий, чуть хриловатый,
с тоном, которым, кажется, можно приказывать мужчинам
раздеваться.

Я приподнялась. Пошатываясь, подошла к луже, которая,
как по заказу, мирно раскинулась между корнями дерева.
Склонилась. Посмотрела.

И... увидела её.

Ту, которая не я. С узким лицом, ярко очерченными ску-
лами, губами, как будто кто-то рисовал их, вдохновляясь
клубничным желе, сиреневыми глазами, потемневшими от

испуга. Розовые волосы, чуть волной, чуть беспорядком, и небрежный завиток над ухом. Она была прекрасна. Хищно-прекрасна. Пугающе-прекрасна.

Я отшатнулась от отражения. Лужа дрогнула. Собака снова вздохнула.

— Не трогай лицо, оно настоящее, — пробормотала собака, уже без насмешки. — И встань подальше от лужи. Ты дрожишь.

Глава 3

Дорога была пустой. Мягко пыльная, с покатыми краями, заросшими травами, и с тем спокойствием, которое обычно приходит за секунду до беды. Или до откровения.

Я шла. Чужие туфли натёрли пятки; чемодан больно оттягивал руку. Рядом семенила болонка, которая время от времени косилась на меня, будто оценивала: далеко ли дойдём, прежде чем я разревусь или сползу в обморок. Я не плакала. И в обморок не собиралась. Я просто... шла.

Не потому что знала путь. Потому что не знала ничего.

Кто я? Где я? Что со мной случилось? Почему я выгляжу как ведьма со страниц глянцевого гримуара, и почему эта собака смотрит на меня так, будто мы знакомы всю жизнь?

Солнце клонилось к горизонту. Небо стало цветом мятного сиропа, а воздух — пахнуть пылью, деревьями и тёплой выпечкой... Выпечкой?

Я подняла голову и увидела: на перекрёстке, аккуратно втиснутая между двумя рошицами, стояла таверна. С вывеской в виде венка из лаванды и ложки, с окнами, из которых лился свет, и с крыльцом, на котором мирно дремал кот размером с телегу.

Рядом — небольшой постоялый дом. Чистый, покосившийся, с видами «у нас кормят, моют и не спрашивают документы».

Я остановилась. И впервые — почувствовала карман. Точнее, маленький тайник под корсажем. Нащупала. Вытащила. Кошелёк. Потёртая замша, шнурок-завязка. Я открыла его и... ахнула. Там лежали монеты. Старые, массивные, с гербом и весом, который обещал поесть, поспать... и, возможно, пару ответов. Болонка вздохнула и фыркнула.

— Ну хоть не нищенка. Уже достижение.

Я не стала отвечать. Я толкнула дверь таверны.

Тепло. Свет. Запах тушёного мяса, корицы, яблок и булочек. Гул голосов, скрип половиц, щелчок магического фонаря у входа. И... тишина. Такая, что я услышала собственный вдох.

Все — кто сидел, ел, наливал, спорил — замерли. Кто-то выронил ложку. Кто-то — дыхание.

Я сделала шаг внутрь. Ощутила взгляд. Прямой, тёплый, немного растерянный.

Из-за стойки вышла женщина лет шестидесяти, в длинном переднике, с мягким лицом и руками, пахнущими корицей. Подошла ко мне, заглянула в лицо — не пугаясь, не удивляясь, как остальные.

И сказала:

— Моя дорогая Тея... вы вернулись?

В голосе хозяйки смешались радость и недоверие.

Её голос был тёплым. Не тёплым, как чай, а как воспоминание о человеке, которого ты не помнишь, но по какой-то причине доверяешь.

Я замерла. Ноги, ещё секунду назад уверенно стоявшие на полу, внезапно стали ватными. Тея. Это имя прозвучало как щелчок пальцами по струне, натянутой внутри груди. Я не узнала его. Но оно... откликнулось.

— Я... — Я хотела сказать «ошибка», «вы ошиблись», «я не Тея». Но язык запутался, как будто не хотел портить момент. Я смотрела на неё — на морщинки у глаз, на чуть припудренные щёки, на взгляд, полный ожидания и... облегчения?

Она не дала мне заговорить. Подошла ближе, коснулась плеча.

— Ты, как всегда, без предупреждения. Как снег в середине лета. — Её губы дрогнули в улыбке. — Ну заходи же. Устала, наверняка. Да и лохматую спутницу накормить бы надо.

Я взглянула вниз. Болонка важно подняла подбородок.

— Наконец-то кто-то понял, кто здесь главная, — фыркнула она и проследовала внутрь, как будто владеет этим заведением по праву рождения.

— Поднимайся, комната твоя свободна. Мы держим её... — женщина замялась, потом продолжила, тише. — С тех пор, как ты... ушла. И снова этот взгляд. Словно я что-то должна была знать. Но не знала. Ни что за «уход», ни кто они, ни почему всё это кажется одновременно чужим и родным.

Я прошла за ней по скрипучей лестнице. Деревянной, тёплой, как бабушкины сказки. Всё вокруг пахло уютом, трав-

ми и тайнами, которые никто не выкрикивает — только шепчет ночью, когда весь мир затаился.

Комната была простой: кровать, окно, узкий комод, зеркало и свободный столик. Я поставила чемодан рядом с ним, наконец разжав онемевшие пальцы.

— Отдыхай, — сказала женщина, с участием поправляя плед у изножья. — И не бойся. Здесь ты в безопасности.

— Подождите. — Я торопливо коснулась её рукава, страшась услышать ответ. — Вы точно меня знаете?

Она посмотрела на меня долгим взглядом.

— Уверена, милая. Даже если ты сама об этом забыла.

Когда за хозяйкой закрылась дверь, и по комнате разлилось тёплое молчание, я осталась наедине — с собой. С собой? Нет. С тем, кем я стала. Или... кем стала я?

Я медленно подошла к зеркалу. Оно было старинным — с узорчатой рамой, потёртым деревом и отблеском, в котором отражалась не только внешность, но и что-то большее. Я не дышала. Просто смотрела.

Она была там. Я. Но не та, что спешила по московским улицам, с коробкой макарун и волосами, запутанными в стресс. Это была другая женщина.

Сиреневые глаза. Чистый, глубокий цвет, как свежая лаванда в солнечном свете. Яркие, огромные, с распахнутым изумлением и легким вызовом, будто каждая ресница — удар по чьей-то уверенности. А ресницы были... длинные, густые, чёрные, как обожжённая бумага, изгибались вверх с

идеальной драмой, как будто кто-то с любовью вырезал их из теней.

Волосы — розовые. Не кукольно-розовые, не гламурные, а как лепестки цветущей сакуры — тёплые, живые, чуть завитые. Кудряшки, падающие на плечи, игриво обрамляли лицо. Ни одна не выбивалась случайно — но в этом был беспорядок, который хотелось трогать.

Кожа — бледная. Но не болезненно, а как у фарфоровой статуэтки. Белизна с едва заметным персиковым свечением, чистая, мягкая, как сливки на солнце. Я коснулась щеки — она была прохладной. Настоящей. Моей?

Брови — как у богини с характером. Идеальной формы, тёмные, очерченные. Не те, что красят. Те, что рождаются, чтобы смотреть с превосходством. Уголки губ приподняты, как будто я знаю, что кто-то сейчас влюбится — и мне даже немного жаль.

А фигура... Я непроизвольно отступила и оглядела себя в полный рост. Стройная. Линии — как будто выточены скульптором с синдромом перфекциониста. Талия — узкая. Бёдра — плавные. Плечи — тонкие, изящные. Это было тело, в котором можно править королевством, искушать, заклинать и умирать красиво. Но я внутри... Я всё ещё не была уверена, что заслуживаю такую оболочку.

— Ух ты, — раздалось с кровати.

Я обернулась. Собачка потянулась, зевнула и посмотрела на меня с тем самым выражением: «Да ты, детка, вообще по-

дарок судьбы в упаковке из розового флирта.»

— С такой внешностью незаметной не останешься, — заметила она, с тревогой покосившись на дверь. — Пожалуй, придётся тебя охранять.

Я села на край кровати. Положила ладонь на грудь — сердце билось, будто внутри меня жила не просто магия... А что-то древнее.

— Но кто я?... — прошептала я, сжимая платье над колотящимся сердцем.

Собачка фыркнула.

— Это ты у зеркала спроси. Оно, похоже, знает тебя лучше, чем ты сама.

— Может, скажешь, как тебя зовут? — попросила я, цепляясь за возможность узнать хоть что-нибудь определённое.

— Пока не вспомнила, — призналась она, смущённо почесав ухо. — А как бы ты меня назвала?

Я посмотрела на ее нежную шерстку, светло бежевые кружочки под глазами и подумала, что она похожа на эклер.

— Эклер, — предложила я и впервые за день невольно улыбнулась.

— Мне нравится. — Она выпрямилась на подушке с таким достоинством, будто получила титул.

Я долго сидела на кровати. Зеркало по-прежнему отражало ту, которой я никак не могла стать. Болонка устроилась у подушки, зевала, как скучающая леди на званом вечере, и явно наблюдала, как я медленно осознаю: это не маскарад.

Это я. Это теперь моя реальность.

— Ну что, — выдохнула я, — посмотрим, чем меня снабдила старая я.

Чемодан стоял в углу. Небольшой, но добротный, с латунными уголками и застёжкой, которая защёлкнулась, будто обиженно вздыхая. Я открыла его. И пожалела.

Внутри было... всё.

Пучки трав — сушёные, перевязанные нитками, пахнущие полынью, мятой, шалфеем и... чем-то, от чего у нормального человека случается видение. Баночки с порошками. Несколько десятков крошечных пузырьков в ячейках. На крышках каллиграфические надписи: «Медвежья слеза», «Сон феи», «Пыль дороги», «Для внезапного исчезновения — осторожно, вызывает чихание».

Бутылочки с эссенциями, маленькие мешочки с засушенными корнями, мотки шёлковых нитей и... Книга. Закрытая. С чёрной кожаной обложкой, на которой выбито серебром: «Сборник наблюдений и заклятий. Том 3. Не открывать без печенья.»

Я мгновенно захлопнула крышку чемодана. Села обратно. И просто молча смотрела в стену.

— Ты ведьма, — сказала собачка, не поднимая головы. — Сюрприз.

— Ага, — хрипло ответила я. — И, по ходу, ещё и с опытом. Судя по ассортименту — минимум ведьма с дипломом и сертификатом о прохождении проклятий на практике.

— В тебе ещё есть дух, — зевнула она. — Уже хорошо.

Я подошла к умывальнику у окна. Налила воды из кувшина, умылась — холодной, до озноба. Глаза, смотревшие на меня из зеркала над тазиком, были всё те же сиреневые. Но в них стало больше огня. Больше понимания. Я не знаю, кто я. Но я — ведьма. И у ведьм, по всей видимости, не бывает отпуска.

В тот момент, когда я вытерла лицо и подошла к окну — услышала.

Сначала голос. Громкий, звонкий, с той надтреснутой торжественностью, которую используют только для безумств и коронаций.

— Жители, гости, проезжие! Объявляется отбор на звание Главного Королевского Повара! Победитель станет личным поваром Его Величества и будет удостоен готовить на его свадьбе!

Я застыла. Половина лица — в полотенце, другая — в шоке.

— Что?.. — прошептала я. А голос не унимался:

— Отбор начинается утром! Место регистрации — Дворцовая площадь. Только лучшие, только вкуснейшие, только те, чьи руки не дрожат от магии и страха!

Я повернулась к собаке.

— Значит, мне предлагают снова стать поваром? — Я растерянно сжала полотенце: вчерашняя работа вдруг показала единственной опорой.

Она взглянула на меня с ленивым уважением.

— Тея Лаванда, — задумчиво произнесла болонка. — Имя всплыло, когда хозяйка тебя окликнула. А увидела, как ты держишь нож за ужином, и вспомнила кухню. Память возвращается кусками.

— Ты тоже ничего толком не помнишь? — От этой мысли стало холодно.

— Не всё, — призналась Эклер, опуская морду. — Но одна ты туда не пойдёшь.

Глава 4

Утро наступило нагло. Солнце пробилось в комнату сквозь занавески и лизнуло меня по щеке так нежно, будто хотело сказать: «Ты вляпалась, детка. Готовься.»

Я села в постели, растрёпанная, сонная и полная подозрений, что всё произошедшее вчера — не глюк, не сон, а новая реальность. Болонка потянулась, зевнула и буркнула:

— Прекрати строить иллюзии. Они у тебя всё равно не держатся.

Перед сном я всё-таки достала фолиант из чемодана. Теперь на столе лежала она — та самая магическая кулинарная книга. Толстая, кожаная, с металлическими уголками и выражением «сейчас будет весело».

Я подошла. Коснулась. Книга вздохнула. Открылась сама. И, к моему ужасу, заговорила:

— Ну наконец-то. Ты решила со мной пообщаться до того, как уничтожишь полгорода?

— Ты умеешь объяснять без оскорблений? — спросила я, сдерживая раздражение.

— Умею, — сухо отозвалась книга; страницы тревожно затрепетали. — Только сперва скажи, почему вчера ты испугалась собственного гримуара.

Я шумно выдохнула. Страницы сами пролистались и остановились на главе, озаглавленной каллиграфическим почер-

ком: «Заклинания улучшения самочувствия, уверенности и визуального позиционирования».

Прямо под заголовком — блестящий заговор: «Заклятие внутренней уверенности».

Описание короткое:

Для пробуждения харизмы, самооценки и силы ведьмы. Не рекомендуется натошак или в плохом настроении. Возможны побочные эффекты.

Я вздохнула, встала прямо, приложила руку к сердцу и произнесла:

"Feliorum creda, vis mea splenda, Nasari credo, timor retro!"

Тепло пробежало по груди, в ушах зазвенело, и... Пинг! В носу. Станный щелчок. Что-то потянуло вперёд.

Я подбежала к зеркалу. Посмотрела. И закричала.

Нос. НОС. Удлинился, вытянулся, заострился — настоящая карикатура на Буратино, но в розовом платье.

— ААААА! — я схватила себя за лицо. — ЧТО ЭТО?!

— Поздравляю, — отозвалась книга, не перелистываясь. — Ты вызвала уверенность. Только не уточнила, в чём именно.

Собачка корчилась от смеха. Я металась по комнате.

— Как это остановить?!

— Перелистай налево. Страница «Отмены и реабилитации идиотских решений».

Я судорожно открыла, нашла нужное место и с воплем прокричала:

"Nulla figura nasum! Retro forma, retro sum!"

Щелчок. Нос вернулся к прежнему размеру. Слава магии.

Я осела на стул. Но ненадолго. Потому что взгляд случайно упал на другой заговор: «Для усиления визуального эффекта женственности». Ну... что плохого может случиться? Немного уверенности, немного... декольте?

Я вскинула голову и прошептала:

"Pulchra summa, aura clara, Flores meae — fiat mamma!"

И... БУМ.

Они выросли. Шары. Массивные, внезапные, абсолютно фантастические. Памела Андерсон отдыхает. Я чуть не перевернула стул. Подхватила подушку. Закрылась. Закричала. Книга захлопнулась от хохота. Собачка в голос:

— Прекрати, я сейчас задохнусь! Тебя не в кулинарию, а в цирк!

— ОТМЕНА! ОТМЕНА СРОЧНО! — я искала глазами нужную страницу. Нашла. Наугад прокричала:

"Mamma finita, forma stricta! Retro corpus, пах invicta!"

Пинг. Грудь вернулась к норме. Я осела на пол, обняв подушку. С выражением лица, которое обычно бывает у людей, переживших катастрофу.

Книга захлопнулась. Потом приоткрылась и прошептала:

— Завтрак, гениальная моя, лучше делай руками. Сегодня заклинаний тебе хватит.

Ворчание книги сменилось беспокойством за мои обожжённые пальцы.

Решение пришло не как озарение, а как приглушённое «делать-то нечего». Ну правда. Домой — не вернёшься. Домой теперь вообще как-то... абстрактно. Магия — с характером сварливой бабки. Монет хватит на дорогу и несколько ночлегов. На поиски пути домой — едва ли. Но... готовить я умела. Это единственное, что не спорило со мной по утрам, не отрастало, не светилось и не злилось, когда я мазала крем не туда.

Так что я натянула платье попрличнее (в чемодане их тоже было аж три штуки), привела в порядок волосы (насколько можно привести в порядок розовое безумие), взяла свою болонку и отправилась... на отбор.

Во дворец. В самый центр этого фэнтезийного фарса. С выражением лица: «Я ничего не поняла, но уже участвую».

Очередь тянулась, как вытянутое тесто — длинная, липкая и зловеще колышущаяся. Повара, кулинарки, алхимики с мешками специй и лицами, полными значимости. У некоторых — магические скалки. У одной — кот на плече и кастрюля на голове. А у меня — собачка и две заколки, скрепляющие «хаос» на макушке.

Во главе — гном. Седой, лысеющий, в жилетке, надетой по принципу «ткань терпит», с табличкой: «НИ СЛОВА — ТОЛЬКО ИМЕНА!»

Он сидел на высокой табуретке, злился, как будто его заставили отказаться от пива, и явно не был в восторге от жиз-

ни, этого утра, и особенно — от меня.

Я подошла. Улыбнулась. Почти дружелюбно.

Он поднял глаза. Оценил. С головы до ног. Особенно — цвет волос. И выдал:

— Опять ведьма? У нас уже три. Хватит.

— А у вас лимит? — вежливо поинтересовалась я. — Или аллергия на женщин с мозгами и талантами?

— У меня аллергия на фейерверки в супе, — раздражённо буркнул гном, заслоняя список ладонью. — Ты заклинаниями готовишь или руками?

— Руками, — ответила я, подавив желание спрятать обожжённые утром пальцы. — Магию оставляю для подачи. И то не всегда.

Он шумно фыркнул и записал что-то в список.

— Имя?

Я открыла рот — и замерла. На секунду. Потому что имя, которое пришло в голову, не вызывало сомнений. Тея. Тея Лаванда. Как будто оно и правда было моим. С самого начала. Просто я его забыла.

— Тея Лаванда, — выговорила я, стараясь не выдать волнения от чужого имени на собственных губах.

Он скривился.

— Да уж. С таким именем только торты глазировать.

Сбоку раздался голос — вкрадчивый, хрустящий, как скорлупа на засахаренном ядре.

— Вот только ведьмы нам и не хватало. Поварня — не

шабаш.

Я обернулась.

Она. Девушка с золотыми волосами. В идеальном белом переднике, с идеальными бровями и лицом, как серебряный поднос, на котором подают яд в розах. Улыбка у неё была тонкая, как лезвие. А взгляд — с прищуром королевы, которой не нравится, что кто-то вошёл в тронный зал в розовом.

— Простите, — ответила я сладко, — а вам разве не скажали? У нас отбор поваров, а не королев красоты, у которых бульон кипит от злобы.

Она поджала губы. Гном захлопнул папку. Гном выдал мне свиток: заселение завтра в семь, представление участниц — в девять. Я отошла от стойки — с высоко поднятым подбородком, наплевав на чужие взгляды, как на переваренный омлет.

Я ведьма. Я готовлю. И да, я пришла выиграть.

Вернувшись в таверну, я чувствовала себя как человек, который только что записался на дуэль, где у неё вместо шпаги — половник и самообладание, которое подгорает быстрее яичницы.

Болонка — не забывай, говорящая, — прыгнула на стул в холле и, заложив лапы, выразительно посмотрела на меня:

— И что теперь, кулинарный штурм дворца?

— Потренируюсь на здешних продуктах, — ответила я, потирая напряжённые пальцы. — Не хочу узнавать перед королём, что местная мука ведёт себя иначе.

— Вот это разумно, — одобрила Эклер, заметно успокоившись. — Начни с того, что умеешь.

Я не ответила. Я шла через таверну как по минному полю, с внутренним ощущением, что сейчас вот-вот раздастся сигнал тревоги, а потолок рухнет от одного моего взгляда в сторону духовки.

На кухне я застала мадам Тарталье. Женщину, которая выглядела как сливочный крем, намазанный на стальной каркас. Её пенсне сидело на носу так строго, что казалось, если оно упадёт — закваска в погребе взорвётся от страха.

Она обернулась, смерила меня взглядом. Долго. Долго-долго.

— Ваша магия не испортит мне плитку? — настороженно спросила хозяйка, прикрыв собой дверцу печи.

— Сегодня обойдусь без неё, — пообещала я, пряча смущённую улыбку.

— После прошлого раза я два дня отмывала потолок, — напомнила она с досадой, и мне стало не по себе от чужого проступка.

— Если испачкаю, отмою сама, — сказала я, чувствуя, что краснею.

Она вздохнула. Повернулась.

— Один шанс. Один противень. Одна попытка.

— Как в жизни, — пробормотала я.

Я подошла к кухонному столу. И замерла.

Сковородки, ножи, мука, яйца. Обычные вещи. Обычные

запахи. Но в этих стенах, после магических книг, заклинаний-переростков и розовых кудрей, всё это казалось почти родным.

Мои руки начали двигаться автоматически. Я сама не заметила, как растопила масло, смешала сухие ингредиенты, а затем соединила молоко с яйцом. Мука летела по воздуху, ложки звенели — я помнила, как это. Это было моё. Без магии. Без заклинаний. Без сисек +30% и носа длиной в сюжетную арку.

Я поставила форму в печь, вытерла лоб. Повернулась. И — увидела.

Книга. Она появилась на столе. Невозмутимо. Сама. Щёлкнула обложкой. Молча. Потом открылась. Прочистила горло.

— Перестань взбивать, — недовольно проскрипела книга.
— Кексам нужен лёгкий замес. Или ты печёшь подошвы?
— Знаю, — буркнула я, с досадой откладывая венчик. — Я всего лишь нервничаю.

— Не стой над душой, — попросила я, чувствуя, как опять напрягаются плечи.

— Я лежу, — обиженно отозвался фолиант и захлопнулся.

Через четверть часа вошла мадам Тарталье. Посмотрела. Подошла. Открыла духовку. Вынула кексы. Положила один на тарелку. Надкусила.

Помолчала. Прожевала. И сказала:

— Не идеально. Но съедобно. Повернулась ко мне.

— Ты справишься. Или сгоришь. Зависит от того, научишься ли останавливаться вовремя.

Я осталась одна. С тарелкой. С собакой. С книгой, которая продолжала бормотать себе под нос критику в стиле «Гордон Рамзи бы ушёл с кухни в слезах».

И с лёгким, крошечным, едва заметным ощущением внутри: а может, всё-таки я смогу.

На следующий день, к семи утра, я пришла на заселение с ощущения, что я — это человек-карамель в улье злых пчёл, только карамель с розовыми кудрями, а пчёлы — с корсетами и золотыми ложками.

Меня провели в огромное помещение — кухонный зал, но не такой, где бабушки пекут пирожки. Нет. Это была арена, где кулинария и честволюбие скрестили ножи. Вокруг — десятки участниц, каждая краше другой. Столы сверкают, ножи наточены, скалки лежат, как оружие массового соблазнения. Всё блестит, пахнет пряностями и завистью.

Атмосфера — как в гареме в день, когда султан должен выбрать одну-единственную на ночь. Все улыбаются. Все говорят вежливо. И при этом напряжение такое, что тесто бы свернулось, если б им кто рискнул заняться.

Я прошла вглубь, держа спину ровно и голову высоко, как учили все те принцессы, которых я не знала лично, но в чьих глазах читалось: «Делай вид, что ты здесь королева, даже ес-

ли забрела по ошибке.»

Взгляды скользнули по мне, как по витрине с несанкционированным товаром. Розовые волосы. Сиреневые глаза. Лаванда и тайна. Кто-то шепнул:

— Ведьма. Другой ответил:

— Очередная. Третий — фыркнул.

Я улыбнулась. Показательно. Почти с нежностью. Почти с намёком на проклятие.

Первой ко мне подошла участница с жетоном «Ригонда». Высокая. Статная. Грудь — как две официальные жалобы. Лицо — надменное, будто она родилась, уже презирая бедных.

— Вы из какой школы, милочка? — произнесла она тоном, которым обычно спрашивают: «Вы зачем дышите в мою сторону?»

— Из той, где учат выживать, — ответила я. — А вы, судя по всему, из той, где учат смотреть сверху вниз.

Она изогнула бровь, развернулась и пошла прочь, как обиженная кошка на подиуме.

Следом подошла Джуретта — так значилось на её нагрудной табличке. Блондинка в очках с гравировкой «профессор магического кондитерства». На мантии — вышитые медали. На поясе — сертификаты, дипломы, грамоты, свитки, и, кажется, рекомендация от самого Гордона Рамзи.

— Просто предупреждаю, — сказала она с улыбкой, от которой портятся безе, — здесь не проходят фокусницы. Толь-

ко те, кто умеют готовить — профессионально.

— Отлично, — ответила я. — Фокусы я оставила в чемодане. А печь умею. Даже когда все против.

— Инесса, — представилась третья участница с холодной улыбкой. Рыжая, кудрявая, с веснушками и лицом «я тебя заколдую и даже бровь не поведу». Её голос был с лёгким акцентом — таким, каким обычно угрожают.

— Я слышала, когда-то ты смешала фобию с розмарином. Как по мне — это кощунство. У розмарина священная миссия.

— У фобии, видимо, тоже, — ответила я. — Но они сработались. Кекс получился... эффектный. С магией? Кажется вы до сих пор не вышли из образа змеи.

Она прищурилась. Улыбнулась. И шепнула:

— Посмотрим, что у тебя в душе. Магия — она как тесто. Когда взбиваешь — всё наружу лезет.

Я осталась стоять у своего стола. Вокруг — пышные юбки, серьёзные лица, заклинания, спрятанные в ножах, и ароматы амбиций, щедро сдобренных страхом.

Я чувствовала, что чужая. Но не слабая. Они не знали, кто я. И, честно? Я тоже. Но одно знала точно: если мне дадут муку, сахар и покой на пять минут — я сделаю что-то такое, что даже эти леди-тортики начнут чесать свои шпильки.

И где-то в глубине зала раздался шёпот:

— Кто эта с розовыми волосами?

— Не знаю. Но у неё взгляд, как у десерта с ядом.

Рецепт «Кексы Теи Лаванды» — настоящие, магически вкусные

Ингредиенты:

- Мука пшеничная — 160 г
- Сахар — 120 г
- Разрыхлитель — 1 ч. л.
- Соль — щепотка
- Яйцо — 1 крупное
- Масло сливочное — 80 г (растопленное)
- Молоко — 120 мл
- Ванильный экстракт — 1 ч. л.
- Цедра лимона или лаванды (по желанию) — щепотка
- Сахарная пудра — для посыпки (по желанию)

Приготовление:

1. Разогрей духовку до 180°C. Подготовь форму для маффинов с бумажными капсулами.
2. В миске смешай муку, разрыхлитель, соль и сахар.
3. В отдельной миске взбей яйцо, добавь молоко, растопленное масло и ваниль. По желанию — немного цедры лимона или сухой лаванды (чтобы кексы стали «фирменными»).
4. Влей жидкие ингредиенты в сухие и аккуратно перемешай, не переусердствуй — тесто должно остаться слегка комковатым.
5. Разложи тесто по формочкам, заполняя на 2/3 объема.
6. Выпекай 15–18 минут, пока верх не станет золотистым,

а зубочистка — сухой.

7. Остуди, посыпь сахарной пудрой, укрась розовой фантазией и подавай с высоко поднятой головой, как ведьма, победившая кулинарный хаос.

Глава 5

Грохот гонга, звон посуды, и как финальная вишенка на этом торте хаоса — громкий голос, сладкий, как перепревшая малина:

— Добро пожаловать, мои прекрасные участницы, на отбор года! Меня зовут Конфеттина Кремовская и я ваш ведущий и ассистент по совместительству.

Я обернулась. И увидела Конфеттину.

Если бы клубника в шампанском умела говорить — это была бы она. Ведущая конкурса, куратор поварского кошмара и, судя по взгляду, женщина, способная усмирить взбесившееся тесто одной улыбкой.

Высокая, яркая, с локонами цвета засахаренной салатовой жвачки и мантией, на которой вышито столько конфет, что при взгляде на неё у диабета начинался нервный тик. Рядом с ней стояли... гномы.

Маленькие, сварливые, курносые, как Ворчун из «Белоснежки», только с меньшим энтузиазмом и большей злобой. Они держали таблички, ключи и недовольство, которым можно было забить гвозди.

— Итак! — пропела Конфеттина. — Сегодня вы все получите свои комнаты! Они уже распределены, нумерация — в ваших свитках. Каждая комната подобрана с учётом вашей... ммм... индивидуальности.

— По какому принципу? — прошипела одна из участниц.

— По хаосу в ваших аурах, конечно, — подмигнула Конфеттина.

Один из гномов взялся за моё запястье, ткнул в свиток и буркнул:

— Комната 7. Верхний этаж. С окнами. Надеюсь, у тебя нет привычки к ночному вою.

— Только если кто-то ворует мою выпечку, — ответила я, невольно прижимая свиток к груди: хотелось верить, что хоть дверь здесь можно запереть.

Я уже собиралась идти следом, когда второй гном вдруг устоялся на Эклер:

— С собаками нельзя. Правила. Без исключений.

Эклер поджала уши. Сделала грустные глазки. Подняла лапку. Процедила:

— Серьёзно? Я умнее половины этих участниц. И лучше пахну.

— Она мой фамильяр, — возразила я, загораживая Эклер. — В правилах конкурса есть запрет на фамильяров? Покажите.

Гном нахмурился и развернул свиток. Я ждала, положив ладонь на собачью голову; под пальцами мелко дрожали уши.

— Если нужна отдельная регистрация, оформим, — сказала я уже спокойнее. — Но на улицу я её не отправлю.

— Фамильярам можно, — неохотно признал гном, найдя нужную строку. — Только зарегистрированным. Имя?

— Эклер, — отчётливо произнесла болонка, выпрямляясь. Гном вздохнул и сделал пометку.

Мы прошли: я с чемоданом, Эклер и прижатая к груди книга.

— Ляпсус, — вдруг прошелестел фолиант, обиженно шевельнув закладкой. — Если уж представляться, то всем. Я едва удержалась от улыбки. Очень хотелось надеяться, что имя не от слова «ляп». Гном тем временем отвёл нас в комнату номер семь.

Когда дверь распахнулась, я замерла.

Это был шедевр. Абсолютный. Бессовестный. Розово-золотой ад.

Пыльно-розовые стены, от которых хотелось вскрикнуть «я кукла!», балдахин цвета зефира, пушистый ковёр с узором в форме пирожных, подушки с рюшами, зеркало в золочёной раме с жемчужной каймой, и тумбочка, на которой стояла ваза с леденцами.

— Кто-то думает, что я Барби, — пробормотала я.

Эклер запрыгнула на кровать и уронила половину подушек. Книга плюхнулась на кресло и зашуршала страницами с недовольным хрюканьем.

А я... Я скинула туфли. Села посреди этого сахарного безумия. И впервые за день почувствовала себя в безопасности.

Пусть вокруг подлость, конкуренция и яд. Но у меня — своя комната. Своя собака. Своя книга. И своя магия, кото-

рая вот-вот появится. Ну я на это надеюсь...

Спустя примерно час. Где-то в восемь утра я сидела на кровати — вернее, на розовом облаке с подушками, которые пахли зефиром, и смотрела, как потолок слегка покачивается. Может, от волнения. А может, от того, что моя реальность окончательно дала сбой.

Передо мной стояла говорящая собака. Белая. Пушистая. С бантиком. И с выражением морды: «Ну что, вот мы и до этого дошли.»

— Здесь нас знают, — тихо сказала Эклер, беспокойно поглядывая на дверь. — Тебя считают Теей Лавандой. А ты её жизнь не помнишь. Прежде чем идти к королю, надо решить, что отвечать на вопросы.

Я медленно подняла взгляд и прохрипела:

— Но... я не ведьма. Я... кондитер. Из Москвы. Меня зовут Лиза Колоскова. Я... я не знаю никакого Амареля, на самом деле не хочу никакого конкурса, никакой... тебя!

Эклер приблизилась, мордочка её сморщилась, как будто она вдыхала запах параллельной вселенной.

— Тогда и я перешла вместе с тобой, — медленно произнесла она; шерсть на загривке поднялась. — Помню колёса. А здешнюю хозяйку помню тоже. Две жизни в одной голове... Мне это совсем не нравится.

Я попыталась встать, но колени подогнулись.

— Ты хотя бы узнаёшь людей, — выдохнула я, сжимая край покрывала. — А я сейчас выйду туда и выдам себя пер-

вым же ответом.

Эклер вздохнула. Так тяжело, что у меня возникло ощущение, будто она несёт все проблемы магического мира на своих крошечных лапках.

— Поэтому отвечай только о том, что знаешь, — посоветовала Эклер, стараясь говорить ровно. — Печь ты умеешь. Это видно даже мне.

— Без магии, — уточнила я, боясь, что от меня опять ждут невозможного.

— Ляпсус поможет с магией, — ответила она и тревожно покосилась на фолиант. — Если, конечно, перестанет обижаться.

Я зажмурилась.

— Нет. Я только умею взбивать белки, как Бог, и делать крем с лавандой. Но это не считается магией... да?

Эклер легла, накрыв лапами нос.

— Значит, начнём с белков, — глухо сказала она. — И не будем проверять незнакомые заклинания перед всем двором.

Я хотела возразить, но в дверь вдруг постучали. Даже не постучали, а пошкреблись — вежливо, но уверенно.

Дверь приоткрылась, и в комнату вошла молодая служанка с подносом. На нём стояли изящные чашки — фарфор, тонкий, как самообладание перед сессией. От них шёл пар с ароматом чего-то одновременно сладкого, мятного... и подозрительного.

— Доброе утро, госпожа Тея! — с радостью, которой я не разделяла. — Я принесла вам утренний отвар бодрости и эликсир ясности мысли. Король ожидает всех участниц в Большом зале через час. Официальное открытие.

Я замерла. Посмотрела на Эклер. Она пожала плечами. Ну... насколько это возможно у собаки.

— Не вздумай показать, что ты ничего не понимаешь, — прошептала она. — Просто кивай. Улыбайся. И делай вид, что ты не Лиза, а кто-то с глубоким внутренним шармом и стратегическим мышлением.

Я натянула улыбку.

— Спасибо... э... очень. Я скоро буду готова.

Когда дверь закрылась, я схватила одну из чашек. Глоток. Ого. Вкус — как будто тебе в лицо плеснули утро, лимон, и уверенность. Голова прояснилась. Мозг сказал: «Привет, я снова в сети.»

— Это действительно работает! — ахнула я.

Эклер облегчённо фыркнула.

— Уже лучше. Теперь послушай Ляпсуса. Нам осталось меньше часа.

Я покосилась на неё. Потом — на свою грудь. Потом — в окно.

— Слушаю, — ответила я, поставив чашку обеими руками, чтобы не расплескать. — Только по одному. И без загадок.

Эклер с важным видом подошла к столу, встала на задние

лапы, уставилась то на меня, то на Ляпсуса, то снова на меня, и выдала с тяжёлым вздохом:

— Ляпсус, — попросила Эклер, уже без насмешки, — покажи ей безопасные заклинания. Она действительно не помнит твоих уроков.

— И объясни, как их остановить, — добавила я с неловкостью, вспомнив вчерашние превращения. — Начало я уже освоила. К сожалению.

Ляпсус с шорохом перелистнул страницы, будто фыркнул — только по-бумажному.

— Сначала правила, — строго прошелестел Ляпсус, расправляя помятую страницу. — Ошибёшься в слове — сразу прекращай читать. Не пытайся исправить заклинание вторым.

Я села на край кровати, прижала руки к лицу. Нет. Это не игра. Это не сон. И чем дольше я говорила вслух, тем больше понимала: это действительно я. В чужом теле. В чужом мире. В теле ведьмы с розовыми волосами и сиреневыми глазами. Кажется я начала это осознавать...

— Я буду осторожна, — пообещала я, подавив дрожь. — Но не оставляйте меня там одну. Я даже не знаю, кто имеет право мне приказывать.

Воцарилась тишина. Эклер моргнула. Книга сдержанно шевельнулась. Они смотрели на меня как на печенье с солью вместо сахара — с удивлением и лёгкой тревогой.

Наконец Ляпсус тяжело вздохнул...

— Ну что ж... похоже, у нас действительно серьёзная проблема. И решать её придётся быстро, потому что, — страшно зашелестели, — через пятьдесят три минуты ты должна предстать перед королём и двором. В качестве одной из лучших ведьм-кулинарок королевства.

У меня похолодели пальцы.

— Только самое необходимое, — попросила я. — Вчера я уже увидела, что бывает, если читать наугад.

Эклер подпрыгнула на стол, уставилась прямо в глаза.

— Мы рядом, — заверила Эклер, ткнувшись носом мне в ладонь. — Если растеряешься, посмотри на меня. Я подскажу, когда промолчать.

Книга, не теряя грации, раскрылась снова.

— Ситуация, мягко говоря, нестандартная. Но не безнадёжная. Подойди ближе. Я покажу тебе несколько основных кухонных заклинаний. А ты, Эклер, объясни ей хоть что-то о короле, о конкурсе и о том, как не наложить на себя проклятие ложкой.

Следующие сорок минут были как в тумане, из которого периодически выпрыгивали слова типа «этикет», «Амарель терпеть не может подхалимов», «не тычь книгу ложкой», «не называй гнома пирожочком».

Эклер важно расхаживала по столу, как стратег на совете войны:

— Запомни, Амарель — сложный. Он может показаться холодным, даже жестоким. Он в инвалидном кресле, но ма-

гия у него — огонь. Не бойся. Не умничай. Будь собой — но с фильтром.

— А если я облажаюсь? — прошептала я.

Она прищурилась, но голос смягчился.

— Тогда начнёшь заново. Только не соглашайся на то, чего не умеешь.

— Постараюсь, — ответила я, чувствуя, как понемногу отпускает горло.

Эклер задержала на мне внимательный взгляд. Я кивнула ей: услышала.

В этот момент — стук в дверь.

— Госпожа Тея? Пора спускаться в Большой зал!

Я замерла. Посмотрела на Эклер. На Ляпсуса. На своё отражение в зеркале, где розововолосая ведьма в розовом выглядела... чертовски неуверенно.

— Я не готова.

Признание далось с трудом; я стиснула край рукава.

Ляпсус с грохотом захлопнулся.

— Начни с того, что умеешь, — напомнил Ляпсус; его раздражение сменилось тревогой. — Остальное разберём по дороге.

Эклер спрыгнула со стола и ткнула меня носом в колено — твёрдо, как генералиссимус в отставке.

— Спина прямая, подбородок выше, и ради всего вкусного — не колдуй, если тебя не просят. Мы с Ляпсусом будем рядом. Или хотя бы мысленно плеваться.

Я кивнула. Вдохнула. И открыла дверь.

Глава 6

Служанка ждала, аккуратная, как букет в вазе из хорошего дома. Не говоря ни слова, она повела меня по коридорам. Стены были усыпаны гобеленами, где рыцари обнимали морковь, эльфы спорили с супницами, а золотые узоры сияли как предупреждение: «здесь любят помпезность». В воздухе витал аромат магии, специй и — возможно — лёгкой подгорелости чужих амбиций.

Наконец мы остановились у высоких дубовых дверей. Служанка повернулась ко мне, чуть улыбнулась:

— Удачи, госпожа. Вы — одна из лучших.

Вот только бы я сама в это поверила...

Двери распахнулись.

И всё. Весь зал обернулся.

Роскошные одежды. Украшения. Шепчутся... Обо мне, естественно. Я замерла, как перед прыжком с обрыва, который обещали тебе как «небольшой спуск».

Почувствовала, как что-то касается ноги — Эклер. Она проскользнула за мной, как опытный контрабандист.

— Давай, детка, покажи им, на что способны руки, не нуждающиеся в волшебстве. — прошептала она, тревожно прижимаясь к моей ноге.

Я выпрямила плечи. Подняла подбородок. Я сделала шаг вперёд... И вот он.

Амарель.

Не на троне, как можно было бы ожидать от сказочного короля. На инвалидном кресле. Тёмный металл, тонкие закованные в серебро колёса, изогнутые ручки, ткань спинки натянута, будто выпрямлена под весом власти.

Но он сидел — как будто это не кресло, а всё-таки трон. Не нуждаясь в позолоте и ступенях, он властвовал одной осанкой. И взглядом.

Глаза — цвета расплавленного снега. Серебристо-ледяные, с отблеском чего-то первородного. В них не было жалости. Там была сила. И тишина, в которой могла родиться буря. Его лицо... идеальные черты, выточенные, словно скульптор создавал холод. Высокие скулы, острые, как клинки. Челюсть — прямая, уверенная. Брови — тёмные, выразительные, контрастно суровые. А губы — сдержанные, чуть изогнутые, будто он всю жизнь слушал глупости и перестал реагировать.

Волосы — длинные, платиново-белые, спадающие на плечи тяжёлыми ровными прядями. Он выглядел как аристократический приговор. В нём было что-то... возвышенное и недоступное, как пик горы, на который можно смотреть, но не дотронуться.

Я не могла отвести взгляда. И в этот момент — Эклер, тихо, почти неслышно прошептала у моей ноги:

— Он дракон. Настоящий. Белый. Самый сильный, что был за столетия. Но после той битвы... не может трансфор-

мироваться. Не может летать. И ненавидит тех, кто его жалует.

Я снова взглянула на него. На этого мужчину-дракона, закованного в металл, но не в слабость.

И тогда я поняла — это не тот, кто нуждается в жалости. Это тот, кого боятся даже небеса.

Он посмотрел прямо в меня. Без эмоций. Без улыбки. Но... как будто внутри у него что-то дрогнуло. Может быть, от неожиданности. Может быть, оттого, что я — не то, что он ждал.

А может быть, потому что кто-то, кто больше не мог летать, увидел ведьму, которая не умела колдовать.

И я почувствовала, как внутри всё — щёлк. Словно натянулась струна. Его глаза изучали меня — внимательно, с интересом и лёгким... недоверием.

Рядом с ним стояла женщина — высокая, надменная, с идеальными локонами и лицом, отточенным, как клинок.

«Это Сианна. Невеста короля. Отбор как раз для главного повара на их свадьбу» — шепнула Эклер и я сильнее сжала пальцы. Где-то что-то неприятно кольнуло. У красавца в инвалидном кресле оказалось есть невеста! Она смотрела на меня, как будто я испачкала ей пирожное мыслями.

— Дамы и господа! — звонкий голос, как удар серебряной ложкой по стеклу. — Позвольте представить последнюю участницу конкурса — ведьму Тею Лаванду!

Шёпот прокатился по залу, как ветер по полям с завистью.

Я ощутила десятки взглядов: одни — с интересом, другие — с желанием меня сжечь. Третьи — с ожиданием провала. И, конечно же, она.

Сианна шагнула чуть вперёд.

— Раз уж вы так эффектно опоздали... покажите нам что-нибудь... впечатляющее. Чтобы оправдать своё участие.

Я застыла.

Вот оно. Сейчас. Прямо сейчас мне нужно выдать фокус века, а у меня — ноль маны, ноль заклинаний, и максимум — пара кривых заговоров на «вскипятись» и «не пригорай».

Эклер тихо зарычала под платье:

— Не позволяй этой гадюке задавить тебя. У тебя есть ты. И этого хватит.

Я вдохнула. Глубоко. Улыбнулась — сдержанно, но с внутренним «иди ты на пирог».

— Покажу, леди Сианна, — ответила я, удержав улыбку усилием. — Только для выпечки понадобится время.

Я огляделась. На столе — фрукты. Похожие на яблоки, только с фиолетовой кожурой. Ножи. Тесто. Мед. Ни одного волшебного ингредиента. Только кухня. То, что мне нужно.

Я подошла к столу, склонилась над продуктами, уже зная, что буду делать. Пирог. Настоящий. Без магии. С сочными фруктами, хрустящей корочкой и теплом, которое пробуждает сердце лучше любого заклинания.

— Что ты делаешь? — прошептала Эклер.

— Цветаевский пирог, — ответила я, с облегчением узнав

привычные продукты. — Дома его так называют. Со сметанной заливкой.

— Без заклинаний? — с сомнением уточнила Эклер, следя за моими руками.

— Собиралась без них, — призналась я, чувствуя знакомое покалывание в пальцах. — Если что-нибудь начнёт летать, сразу предупреждай.

Я подошла к столу — как к алтарю. Не ради ритуала, а ради истины. Я стояла перед столом, как на сцене, где нет кулис и суфлёров, только сотни глаз, которые ждали или провала... или чуда. Я выбрала — фрукт. С виду — обычный. Только кожа цвета ночного неба, плотная, матовая, будто сдерживает в себе грозу. Я подбросила его в воздух, и... не думала. Просто — почувствовала, как язык сам складывает слова. Неосознанно, интуитивно, будто не я говорю — а та, что была здесь до меня.

— *Floreas levitas.*

И он не упал. Завис в воздухе, медленно вращаясь, как планета в танце. Я выдохнула. Вдохнула — уже с уверенностью. Маленькие искры стали появляться вокруг — бабочки, сотканные из света и пыли луны. Они кружили, осыпаясь золотым светом, и в тот миг я поняла: волшебство — это не пламя. Это трепет.

— *Transformo delicatess.*

Мои пальцы скользнули в воздухе, и фрукт начал меняться. Его кожа стала прозрачной, будто стекло на морозе. А

под ней — мякоть, похожая на звёздную карту. Тёмно-фиолетовая, усыпанная золотыми точками, как сладкие светила. Бабочки растворялись, тая в переливчатую пыльцу, и эта пыль ложилась на плод — тонким узором, как кружева на корсет.

Я протянула руку. Фрукт мягко опустился на ладонь. Тепло. Пульсирующий аромат — как яблоко, но с медом, лавандой, корицей и чем-то, чего я не знала. Я отрезала маленькую дольку и попробовала её. И во рту — не вкус, а звук. Как будто кто-то заиграл на струнной душе. Лёгкое покалывание, жар, прохлада, мёд, чуть соли, и в сердце — дом.

Я поднесла его к доске. Положила. Взяла нож. И вновь — без мыслей, только поток:

— *Sectum leniter*. Шёпот с лёгкой тенью удивления. Словно я уже знала, что будет дальше. Лезвие заскользило. Пластинки упали одна за другой — ровные, прозрачные, будто фрукты сами знали, какой они должны быть толщины.

Тесто замешивала руками. Почти машинально. Мозг плавал в тёплой пустоте, где не было тревоги — только ритм, чувство, тепло.

— *Misce me diligenter*. Слова — как будто выдох. Я не понимала, откуда они во мне, но знала точно: это не магия в привычном смысле. Это память. Плотная, как крем в эклере.

Словно кто-то — Тея Лаванда, настоящая — всё ещё была во мне. И просто... подсказывала. Спокойно. Без обид. Без упрёков. Как подруга за спиной.

Я разложила начинку. Закрыла бортики. И вновь, почти шепча — будто молитву:

— *Perfectus sapor, carmen cordis*. Совершенный вкус. Песня сердца.

Всё. В печь.

Пока пирог выпекался, Конфеттина пригласила к столам остальных участниц. Я провела следующие сорок минут рядом с печью, наблюдая за чужими фокусами и понемногу приходя в себя. Магия всё-таки вмешалась — помимо моей воли. Теперь хотелось понять, как удержать её, а не выдать случившееся за уверенное мастерство.

Я подняла голову и увидела, как зал затаил дыхание. Как будто кто-то выключил звук. Все ждали. Даже те, кто фыркал — ждали. Даже те, кто хотел провала — ждали.

И когда пирог поднялся, стал золотистым, треснул по краям — внутри меня что-то согрелось. Я не знала, как я это сделала. Я не знала, чьи были слова. Но знала — это была я.

Я сделала шаг вперёд. Говорить было страшно. Но голос сам вышел — как и заклинания.

— Сметана смягчает кислинку, — объяснила я, справившись с дрожью в голосе. — Сначала попробуйте без соуса. Так лучше слышен вкус яблок. Сказав это, я вдруг почувствовала себя снова на работе: не чудом и не загадкой, а человеком, который приготовил еду и отвечает за неё.

Зал молчал. Мгновение. Два.

И вдруг, где-то в углу, хлопок. Потом ещё. Аплодисменты

— как дождь, начавшийся с одной капли. И теперь он хлынул — с шёпотом, восторгом, удивлением.

Я видела, как кто-то шепчется, указывает пальцем, кто-то улыбается... Но я искала только один взгляд.

Амарель.

Он сидел, как прежде — неподвижный, сильный, холодный. Но в глазах его — жар. Небольшой. Осторожный. Как первая искра, когда ты думаешь, что дрова уже сырые. На его губах появилась тень. Тень улыбки. А в глазах — интерес. Тот, которого он не позволял себе до сих пор.

И тогда я поняла: вкус — это не то, что чувствуешь языком. Это то, что заставляет сердце дрогнуть.

Пирог я поднесла королю. Он не попробовал. Он передал тарелку стоявшему рядом троллю. Конфеттина назвала его королевским дегустатором. И тролль сказал, как сказали бы миллионы обычных людей:

— Это как у бабушки, — сказал тролль, смущённо отводя глаза от короля. — До проклятия нашего дома. Я и забыл этот вкус.

А когда Амарель проговорил, что не чувствует вкуса с юности, я поняла — всё, что он сделал, всё, что позволил, весь этот конкурс... Он делает это, чтобы чувствовать чужими устами. Чтобы хоть кто-то описал ему то, что он утратил.

И если я смогла дать вкус — пусть даже чужими словами — Значит, я всё делаю правильно.

Цветаевский яблочный пирог (на форму 22–24 см)

Ингредиенты:

Для теста:

- Сметана — 120 г
- Сливочное масло (холодное, нарезанное кубиками) — 100 г
- Сахар — 2 ст. ложки
- Разрыхлитель — 1 ч. ложка
- Щепотка соли
- Мука — примерно 200 г (до нужной консистенции)

Для начинки:

- Яблоки (лучше кислые, типа антоновки) — 3–4 шт. (около 500 г)
- Сахар — 100–120 г (можно по вкусу)
- Сметана — 200 г
- Яйцо — 1 шт.
- Ванильный сахар — 1 ч. ложка
- Мука — 2 ст. ложки

Приготовление:

1. Готовим тесто:

1. В миске соединить сметану, сахар, щепотку соли и разрыхлитель.

2. Добавить холодное сливочное масло и размять руками или ложкой.

3. Постепенно ввести муку и замесить мягкое, пластичное тесто (не крутое, как на пельмени — оно должно быть чуть

липким, как мягкий пластилин).

4. Завернуть тесто в плёнку и убрать в холодильник на 20–30 минут.

2. Подготавливаем начинку:

1. Яблоки очистить от кожуры и сердцевины, нарезать тонкими дольками.

2. Сметану соединить с яйцом, сахаром, ванильным сахаром и мукой — это будет нежная заливка.

3. Перемешать до однородности.

3. Формируем пирог:

1. Достать тесто, раскатать и выложить в смазанную форму (сделать бортики примерно на 2 см).

2. Выложить яблоки — можно внахлёст или хаотично.

3. Залить сверху сметанной заливкой.

4. Выпекаем:

1. Духовку разогреть до 180°C.

2. Выпекать пирог около 40–50 минут, до золотистой корочки и полной готовности заливки.

3. Остудить в форме — он особенно хорош на следующий день, когда пропитается.

Глава 7

К вечеру закончились представления и общий ужин. Я распахнула балконную дверь и шагнула в ночь, словно в спасительную прохладу после жара сцены. Зал остался позади — с его аплодисментами, шёпотами, взглядами, с восторгом и подозрением. А здесь — воздух. Чистый. Настоящий. Пахнущий ветром, камнем, и почему-то... свободой.

Я встала у перил, оперлась локтями, закрыла глаза и вдохнула. Глубоко. Внизу мерцали огни, как размокшие звёзды, скрипки вдалеке нашёптывали чью-то историю о любви, которая не сбылась. Я стояла, будто растворяясь. В этом воздухе. В этом мгновении. В этом ощущении тишины.

И тут — щелчок. Мягкий. Настойчивый. Металлический. Я повернула голову и увидела его.

Он сидел чуть в тени, у мраморной колонны, в кресле, которое не делало его слабым. Наоборот — усиливало. Амарежь. Как будто скала решила сесть и подумать. Руки на подлокотниках, осанка выточена безукоризненно, взгляд — не в меня, а сквозь. Как будто я — часть балкона, элемент композиции, не более.

Он молчал. И я — тоже. До той самой секунды, пока он не произнёс, будто между прочим, как капля кипятка в холодной воде:

— Убегаете?

Он произнёс это с усталой иронией, не поворачивая головы.

Я обернулась к нему, приподняла бровь, но с мягкой, чуть усталой улыбкой.

— Вышла подышать, — ответила я с усталой улыбкой.

— Вам пришлось долго ждать чужих выступлений, — заметил он, скользнув взглядом к освещённым дверям. — Не люблю эти церемонии.

— Мне хотя бы было на что отвлечься, — призналась я, наконец перестав стискивать перила. — Иначе весь вечер думала бы, чем вас не устроил мой пирог.

Он хмыкнул. Или это был ветер. Всё-таки с королями никогда не знаешь наверняка. Я сделала шаг ближе. Осторожно. Почти на цыпочках. Он не отстранился, но и не посмотрел. Просто... был.

— Дегустатору понравилось, — добавила я и тут же пожалела, что прозвучало как оправдание. — Простите. Я слишком привыкла спрашивать, вкусно ли людям.

Он поднял на меня глаза. Лёд. Камень. Туман.

— Меня давно не спрашивают, — ответил он с неожиданной сухостью. — Они знают ответ.

— А я ещё нет, — тихо сказала я, перестав улыбаться. — Можно спросить, что вы любили раньше?

— Вы всё упрощаете, — резко бросил он. — Всё сводите к кухне и сладкому. А здесь — дворец. Здесь яд подают с улыбкой, а амбиции — запекают в тесто.

— Я не собиралась выпытывать слабое место, — возразила я, чувствуя укол обиды. — Если вопрос неприятен, я его сниму.

Он прищурился. Взгляд стал острым, как кинжал в подарочной коробке.

— Вы не понимаете, с кем разговариваете.

Предупреждение прозвучало тише прежнего, и от этого мне стало неуютно.

— Я слышу вас, — ответила я, стараясь не повисить голос. — Но придворной я пока не стала. Иногда спрашиваю просто потому, что мне интересно.

— Со мной редко бывает «просто», — отрезал он, и пальцы крепче сжали подлокотники.

— Тогда скажите, где остановиться, — попросила я, уже без улыбки. — И не ждите, что я сама угадаю.

И тогда, впервые, он посмотрел прямо в меня. Не сквозь. Не мимо. А — вглубь. И в этом взгляде было не «ты мне мешаешь», а «ты посмела».

Я приблизилась ещё на шаг. Не для того, чтобы бросить вызов. А просто быть рядом. Тихо, на грани шёпота, сказала:

— Сегодня вы долго смотрели на пирог, — осторожно сказала я. — Я подумала, он что-то напомнил. Ошиблась?

Он не ответил. И не нужно было.

Молчание между нами сгустилось, как начинка внутри — сладкое, тяжёлое, нераскрытое.

Я улыбнулась. Уже почти прощаясь.

— Я не буду расспрашивать, — сказала я, чувствуя неловкость от собственной настойчивости. — Простите, если задела.

Я развернулась. Шагнула прочь. И только в дверях, на границе балкона и света, услышала его голос:

— Вкус — это не то, что теряется. Это то, что отнимают. И не всем удаётся вернуть.

Я остановилась. Не обернулась.

— Тогда тем более не стану давать лёгких обещаний, — ответила я, с трудом проглотив подступивший к горлу ком. — Но готовить для вас мне всё ещё хочется.

И ушла. Оставив на балконе запах яблок, тепло пирога и лёгкую, пока ещё непризнанную — искорку чувств.

На следующее утро я проснулась от того, что кто-то упрямо дышал мне в ухо.

Не ветер, не сквозняк — а кто-то пушистый, наглый и, судя по запаху, имевший на завтрак много вопросов к судьбе.

— Вставай, королева пирога, — пробурчала Эклер, ткнув носом в мою щёку. — Мы влипли. Но, возможно, красиво.

Я попыталась закопаться обратно в подушку, но Эклер вздохнула с таким трагизмом, будто мне предстояла не встреча, а казнь.

— У дверей стоит человек в мантии. Королевский. С позолотой. И с выражением лица, будто у тебя налоговая задолженность перед его Величеством.

— Что?.. — я поднялась, зевая. — Зачем?

— Хочет тебя видеть. Немедленно. За чаем. Наедине. Его Величество.

У меня пересохло во рту.

Я села, укрывшись одеялом, как бронёй.

— Зачем ему я? Я просто... просто ведьма с пирогом!

Я почувствовала, как опять вспыхнули щёки.

— После отбора он обычно ни с кем не разговаривает, — тихо сказала Эклер, явно встревоженная. — Не знаю, чего ждать. Поэтому и разбудила тебя сразу.

Я посмотрела на окно. Свет был мягкий, утренний. За шторами играла тень — розовая, как зефир. Мир будто стал слаще, опаснее и... гораздо интереснее.

Я растерянно посмотрела на смятое платье.

— Пусть дадут мне десять минут, — попросила я. — Не пойду же я к нему спросонья.

— Уже попросила, — отозвалась Эклер, с беспокойством следя за дверью. — Одевайся.

Я усмехнулась. Сердце билось где-то в горле. Всё внутри говорило: это не просто чай. Это начало. Он позвал меня. В одиночку. После пирога. После того взгляда.

Я подошла к зеркалу. Взъерошенные волосы. Сбившееся платье. Сердце, как барабан в оркестре без дирижёра. И всё равно — я улыбнулась себе. Легко. Чуть дрожа. Но искренне.

— Ладно. Пошли пить чай с драконом, который не чувствует вкус, но, кажется, решил распробовать меня.

Эклер кивнула, как старший адъютант перед боем.

— Вот теперь ты говоришь правильно, Тея.

Глава 8

Непринуждённо. За чаем. С драконом, который не улыбается, не чувствует вкуса и, вероятно, имеет зубы не только ради эстетики. Чудесно.

Меня провели по дворцу — слишком торжественно, слишком медленно, как будто я не ведьма с непонятным прошлым, а кандидат на трон. Ковры под ногами были мягкими, как взбитые сливки, потолки — высокими, как ожидания тех, кто здесь живёт, а стены — глухо блестя от гобеленов, в которых сцены славных битв чередовались с изображениями печёных гусей. Классика.

Мы свернули в один из боковых коридоров, и мне показалось, что воздух стал тише. Словно сам замок приоткрыл мне один из своих закрытых, полузабытых лепестков. И вот — двери. Невысокие, но тяжёлые. Посыльный постучал — и без приглашения распахнул их, словно я была не гостя, а служанка с отчётом о сковороде.

Я вошла.

Малый зал. Но вовсе не убогий.

Наоборот — в этой скромности была интимность. Тишина. Покой. Окно во всю стену — панорамное, открытое в сад, где ветер шевелил крону как мех золотого кота. Стол — небольшой, круглый, сервирован с таким изяществом, что даже ложка казалась аристократкой. Чайник — тонкий, фар-

форовый, розовый, как румянец юной леди, впервые услышавшей слово «соблазн». А рядом — две чашки. Две.

И он. Амарель.

Не стоял. Сидел. В инвалидном кресле у окна — как будто не по причине, а по собственному выбору. И кресло под ним — не ограничение, а трон, созданный для того, кто может повелевать, не вставая.

Я увидела его профиль, подсвеченный мягким утренним светом: высокие скулы, прямая, строгая линия носа, тонкий изгиб губ, в которых не было ни капли тепла, ни намёка на улыбку. Он был не просто красив — он был выточен, как будто кто-то создал идеального мужчину из холода, стали и одиночества. Но в этой безупречности не было надменности. Была тишина. И сосредоточенность. И ледяная уверенность в себе.

Волосы — длинные, ровные, цвета первого снега, тяжелыми прядями падали на плечи. Он не трогал их. Даже не шевелился. Лишь медленно перевернул страницу книги в руках. Ни одного жеста впустую. Ни одного взгляда, пока не нужно.

И всё-таки — я знала, что он чувствует моё присутствие.

Когда он посмотрел на меня — я поняла, почему женщины боятся влюбляться.

В его глазах не было ни огня, ни интереса, ни желания. Было знание. Было предупреждение. Был приговор. Серебристые, чистые, холодные — они не смотрели. Они рассекали.

Я почувствовала себя не ведьмой. Не поваром. А чьей-то мыслью, вторгшейся в его порядок.

И всё же... во мне не было страха. Было странное, тёплое, колючее ощущение — как будто я стою в снегу, но под кожей уже начинается весна.

Я подошла ближе. Он закрыл книгу. Медленно. Как будто закрыл между нами целую историю. Пока ещё — не начатую.

И в этот момент я поняла: он может быть прикован к креслу. Но именно он — держит весь этот замок на своих плечах. Без магии. Без слов. Только силой тишины.

Тишина. Такая, в которой слышно, как чай в чайнике медленно отдаёт аромат воздуху.

Я не сделала ни реверанса, ни поклона. Только подошла к столу и остановилась, сдерживая собственный пульс, который явно решил сыграть чечётку на рёбрах.

— Госпожа Лаванда, — сказал он, голосом, в котором можно было бы замораживать розы. — Доброе утро.

Я чуть улыбнулась. Потому что иногда, если ты не можешь быть колдуньей — оставайся вежливой.

— Ваше Величество, — кивнула я. — Чай пахнет... интригующе.

Он не ответил. Только слегка кивнул и указал на стул напротив.

И вот так — начался наш разговор. Без фанфар, без свидетелей, без магии. Только он, я, чай с оттенком роз и два человека, не умеющих быть простыми.

— Госпожа Лаванда, — произнёс он, подняв на меня глаза, — кто вы сегодня? Фея кухни, актриса бала... или очередной кулинарный мираж?

Голос его был бархатным и ледяным одновременно, как шелковый шарф, в который завернули лезвие. Он говорил тихо, сдержанно, почти лениво — но каждое слово, словно остро отточенная вилка, тыкалось в меня, примеряясь: где тонко? где больно?

Я улыбнулась. Не ярко. Не демонстративно. Просто — спокойно. С тем самым внутренним «нет, милый, ты меня не испугаешь» во взгляде.

— Сегодня я просто женщина, которая умеет печь пироги, — ответила я мягко. — А кем вы хотите меня видеть, Ваше Величество?

В его глазах мелькнуло. Почти незаметно. Почти ничего. Но я уловила: интерес.

Он откинулся на спинку кресла — небрежно, но с тем изяществом, которое позволено только тому, кто ежедневно играет в шахматы с судьбой. Поднес чашку к губам, не отпивая, и произнёс:

— Откуда вы берёте свои рецепты?

Он ждал ответа с настороженным любопытством.

— Сначала училась у бабушки, потом работала в кондитерской, — ответила я, обхватив чашку. — Этот пирог помню с детства. Своих записей здесь у меня нет.

— Поэтично, — хмыкнул он. — И подозрительно рас-

плывчато.

— Другого ответа у меня нет, — сказала я, сдерживая раздражение. — Могу объяснить рецепт, если вы сомневаетесь.

Он поставил чашку резче, чем собирался.

— Я сомневаюсь не в рецепте. Ваша манера колдовать не похожа на то, что мне о вас рассказывали.

Мне стало холодно. Значит, он заметил не только пирог.

— Что именно вам рассказывали? — спросила я, стараясь не выдать испуга.

— Что вы тщательно рассчитываете каждое заклинание, — ответил он, не сводя с меня настороженного взгляда. — А вчера вы сами удивились результату.

Я посмотрела ему в глаза — прямо, без вызова, но с тем самым упрямством, которое упрямее заклинаний.

— Так и было, — призналась я, сжимая пальцы под столом. — Не хочу убеждать вас в обратном.

Он молчал. Несколько долгих ударов сердца. Смотрел на меня — не как на конкурсанта. Не как на ведьму. Как на женщину, которую не смог выбить из равновесия.

И я знала — он ждал фальши. Он её привык видеть. Но сегодня, за этим столом, перед ним сидела я. С чаем, с пирогом и с правдой, которую не надо украшать глазурию.

— Вы — странная ведьма, госпожа, — произнёс он, не меняя тона. Голос был ленивым, как кошка, свернувшаяся на окне в зимний день, но в каждом слове ощущался холодный щипок. — Откуда вы вообще взялись?

Он смотрел на меня внимательно. Не в упор — а чуть выше, как будто пытался заглянуть внутрь черепа, вынуть тайну, разложить её по полочкам и определить: стоит ли она его времени.

Я могла бы соврать. Лепетнуть что-нибудь про глухие деревни, заброшенные замки, пробуждение силы в тринадцать лет при полной луне и бабу, которая варила зелья из шиповника и подслушанных слухов. Я могла бы. Но не захотела.

Я вдохнула. Медленно, глубоко. Так, как вдыхают перед прыжком в холодную воду, когда уже некуда отступить.

— Я... не из этого мира.

После этих слов сердце забилося так сильно, что я едва слышала тишину.

Его бровь слегка приподнялась. Легкое движение, почти незаметное, но достаточно, чтобы почувствовать, как напряжённно вокруг стало дышать пространство.

— Я не родилась здесь, — продолжила я, тихо, но отчётливо, словно признавала что-то, что сама долго боялась сформулировать. — Я из другого времени. Другого места. Там не было магии. Зато была Москва. Пробки, кофе на вынос, много электричества и очень мало сказок. Я была... просто девушкой, которая любила готовить. Работала в кондитерской. Мечтала открыть свою кондитерскую. Пекла. Жила. Иногда — смеялась. Иногда — падала. Чаше — вставала.

Он не перебивал. Даже не моргнул.

— А потом однажды утром я опоздала. С коробкой макарон и чертовски плохим настроением. Выбежала из дома, увидела, как на дорогу выбежала собака... Маленькая, белая, глупая и слишком храбрая для своих размеров. Я бросилась за ней. И...

Я развела руками, как будто это объясняло всё.

— А очнулась уже здесь. В другом теле. В другой жизни. В мире, где всё пахнет иначе, свет мягче, а чай — розовый. Я понятия не имею, зачем и почему. Но с тех пор — я просто стараюсь не сойти с ума. И не подгореть.

Тишина повисла. Не как пауза. А как скатерть, которой кто-то резко накрыл весь зал.

Он смотрел. Молча. Долго. Словно пытался понять: врет ли она? Или всё же нет. Но главное — не это. Главное — что впервые он видел перед собой не маску, не фасад, не игру. А человека. Живого. Слабого. Смешного. И, может быть, страшно настоящего.

Я опустила взгляд. Не от стыда. От перегрузки. Так не рассказывают на первом чаепитии. Так вообще не рассказывают. Но я рассказала.

Потому что устала быть легендой, которой не являюсь.

Потому что он — первый, кто слушал.

Он смотрел на меня долго. Слишком долго. Словно внутри у него боролись два зверя: один хотел задать ещё тысячу вопросов, другой — выдрать из меня ответы когтями.

И вдруг, ни с того ни с сего, он... рассмеялся.

Не тихо. Не тепло. А резко. Глухо. Оскорбительно.

Как будто услышал не признание, а самую нелепую шутку этого утра.

— Сумасшедшая, — сказал он, откинувшись на спинку кресла, и его усмешка была такой хищной, что по коже пробежали мурашки. — Нет, правда. Настоящая, чистокровная, розововолосая безумная.

Он смеялся. Хрипло. Сдавленно. Но смеялся. Не со мной. А надо мной.

— Выросли в мире без магии и теперь не отвечаете за здешние законы, — продолжил он с жёсткой усмешкой. — Удобная история, госпожа Лаванда. Особенно если вашу магию начнут проверять.

Я замерла. Губы чуть дрогнули. Внутри словно кто-то тонко и с точностью хирурга перерезал тонкую ниточку — ту, что держала меня на месте.

— Но вы, Тея Лаванда, — он чуть наклонился вперёд, и в его голосе звенел блеск — яда и равнодушия, — опасны не потому, что непредсказуемы. А потому, что живёте в каком-то сахарном сне. Где проблемы решаются вареньем, судьба — кремом, а чувства — слоёным тестом. Проснитесь. Этот мир не для таких, как вы. Он — для тех, кто жалит раньше, чем его укусят.

Я смотрела на него. И хотела сказать что-то. Хотела. Но в горле стояло пустое.

Он отвернулся первым. Плавно, почти равнодушно. И, не

глядя на меня, бросил, как крошку с ладони:

— Вы симпатичны, Тея. Как декоративная ошибка в вышивке. Ненужная, но очаровательная.

Когда он потянулся за книгой, с края стола соскользнула серебряная брошь. Я машинально подняла её. Король уже отвернулся, а я так хотела уйти, что сжала находку в кулаке и заметила это лишь за дверью.

Глава 9

КОНКУРС №2

После чая я едва успела вернуться в комнату. Ляпсус выдвинул из корешка тонкую палочку и велел держать её как инструмент, а не как знамя. Потом уменьшился до размера ладони: в таком виде его можно было носить в кармане. Брошь я завернула в платок, чтобы вернуть королю при первой возможности.

Я теребила свою палочку с видом заговорщицы, которая собирается либо победить, либо случайно превратить кого-то в кекс. Вполне вероятно — себя. Магия, как выяснилось, вела со мной исключительно сложные и весьма токсичные отношения.

Зал дворца преобразился так, что у любого интерьерного духа случилась бы истерика. Где раньше сверкали канделябры и стояли мраморные статуи с лицами «мы тут при короле ещё до тебя», теперь высились магические кухонные станции, дымящиеся, шипящие и шевелящиеся сами по себе. Одна прямо сейчас взбивала крем, которому, судя по цвету, не место было нигде, кроме как на волосах безумной единорожки.

Ароматы витали в воздухе как дерзкие дракончики: кориандр, карамель, что-то остро-зелёное с намёком на озон и явно неразрешённую алхимию. Я вдохнула — и закашлялась.

Кто-то тут не пожалел магии. Или кориандра. Или совести.

— Ну что, готова к великому кулинарному апокалипсису? — поинтересовалась Эклер, пружиня на лапах. Ее уши были прижаты назад, а глаза сияли весельем, которое меня не радовало.

— Помоги найти мой стол, — попросила я сквозь зубы. — У меня уже руки трясутся, а ты ещё пугаешь.

Мы пробирались сквозь строй стройных и уверенных в себе участниц, каждая из которых была воплощением: «я родилась с золотым венчиком в руке и дипломом Академии магических вкусов». Мантии, платья, самооценка выше потолка. А я — в простом платье, с розовыми волосами, говорящей собакой и лицом «я не знаю, как сюда попала, но у меня есть макаруны».

Станция нашлась. Моё имя на табличке, ложки кружащие сами по себе, ножи играют в салочки, кастрюли пыхтят и, кажется, осуждают. Великолепно. Если меня не убьют ведьмы, то кастрюли точно добьют.

— О, прелестно, — фыркнула Эклер. — Даже стол тут считает, что ты не справишься. Может, сдашься и просто устроим пикник в уголке?

Я не успела выругаться — в зале наступила тишина. Глухая, плотная, как заварка без сахара.

На возвышении появился он.

Амарель. Король. Дракон. Легенда. И, судя по выражению лица, человек, у которого сегодня не заладилось с утренним

настроением. Впрочем, как всегда. Наша последняя беседа была не из самых дружелюбных, а точнее меня хорошо окунули в лужу.

Он сидел в кресле, но это кресло как всегда выглядело не как признак слабости, а как трон, на котором он правил не только королевством, но и уровнем атмосферного давления. Его платиновые волосы отливали холодом, а взгляд — был тяжёлым, будто из свинца и льда. И всё же... в нём была сила. Та, которая не требует доказательств. И от которой у меня дрожали колени...

— Мда, — прошептала Эклер, — не самая лучшая идея влюбляться в короля обычной поварихе, пусть и сумасшедшей.

— Никто и не думал в него влюбляться! — зашипела я.

— Тихо! — кто-то шикнул и я заткнулась, коснувшись туфлей лапы Эклер: довольно.

— Дамы, — его голос разнёсся по залу, как шелковый удар молнии. — Сегодня вам предстоит не просто готовить. Вы должны вложить в свои блюда магию. Настоящую. И если мне станет скучно, поверьте, вы это почувствуете первыми.

Я сглотнула.

Он говорил о магии, но я-то знала, что моё главное волшебство — в рецептах бабушки и упрямстве, с которым я месила тесто, когда всё шло не так. А еще... еще я хотела отдать ему брошь, которую он обронил сегодня утром во время разговора... Но как? Подойти?

— Да, всего лишь подойти...- пробормотала я.

— Тогда верни и уходи, — тихо сказала Эклер, настороженно глядя на возвышение. — Не затевай ещё один спор.

— Я не за спором иду, — возразила я, смущённо пряча брошь в ладони.

Эклер недоверчиво покосилась на меня. Я отвела взгляд: объяснять, зачем мне ещё раз подойти к нему, было труднее, чем хотелось.

Эклер притихла.

Я шагнула вперёд, но тут на моём пути выросла стена из высокомерия в платье от придворного дизайнера.

Сианна. Будущая королева. Прямо сейчас — моя самая личная неприятность.

— Куда это ты собралась, деревенщина? — её голос был прохладным, как молочный лёд, только менее вкусным.

— Я... к его Величеству... — промямлила я, уже чувствуя, как спина покрывается испариной, а ноги начинают голосовать за бегство.

— Правда? — шаг вперёд. Её духи пахли мятой, ядом и заносчивостью. — А что же такого срочного ты хочешь сказать?

И тут... я споткнулась. Прямо у нее под носом. Черт подери мою неуклюжесть.

Падая, я сделала единственное, что кажется умела: взмахнула палочкой и в ужасе выпалила первое, что пришло в голову:

— Transfiguratio vestitum!

Вспышка. Визг. И... Сианна. В фартуке. С оборками. В пятнах от какого-то ярко-зелёного соуса и капель сметаны на лбу.

Зал... замер. А потом — взорвался смехом.

— О-о, шикарно, — прокомментировала Эклер, фыркая.
— И всё-таки ты умеешь. Позорище уровня принцессы.

Сианна развернулась к мне с лицом, которое грозило превратить меня в пепел без заклинаний.

— Ты... ты... ты... — начала она.

— Простите. Это... случайно, — пробормотала я, вжимаясь в пол морально.

— Ну конечно, — протянула Эклер. — И что дальше? Превратишь короля в кекс с начинкой из горечи и сарказма?

— Его и превращать не надо!

— Молчи, несчастная!

Смешки вокруг сменились на шёпот. Взгляды. Подозрение. Осуждение.

А я... просто стояла.

В фейерверке эмоций. С палочкой. С собачкой. И с абсолютной уверенностью в одном: ну хоть не в блин.

С каждым шагом, что приближал меня к трону — или точнее, к инкрустированному молчанием креслу Амареля, — мои коленки начинали дрожать в такт внутренней панике. Я пыталась не замечать перешёптывания. Не слышать фыркания, взгляды в спину и колкие мысли, которые будто шепта-

ли мне: не туда ты, ведьмочка, лезешь.

Эклер шла рядом — молча, что само по себе уже было подозрительно. Болонка, видимо, поняла, что я вот-вот взорвусь... или заварю самый катастрофичный суп в истории королевской кулинарии.

Когда до короля оставалось три шага — всего три, чёрт бы их побрал, — я ощутила, как что-то внутри меня... вскипает. Не жарко — магически. Словно у меня под рёбрами кто-то развёл костёр и подливал туда лунный ликёр.

— Только не сейчас... — выдохнула я. — Пожалуйста. Потом. Через час. Через неделю. После победы. Или хотя бы не на публике.

Но моя магия, как оказалось, — та ещё актриса. И вот она, во всей красе, вырвалась наружу.

С громким «трынь», сначала одна ложка поднялась в воздух. Потом вилка. Потом половник. А потом... пошло-поехало. Зал превратился в филиал безумного цирка кухонной утвари. Сотни предметов закружились в безумном вальсе: ножи танцевали с венчиками, миски выбрасывали ингредиенты в небо, сковородки били чечётку по воздуху. Всё это под аккомпанемент возмущённых визгов ведьм и магических всполохов.

Я стояла посреди этого бедлама. Как центр торта, который вот-вот треснет.

— О-о-о, чудесно, — донёсся с пола голос Эклер. — Катастрофа с эффектом присутствия. Нам точно дадут почёт-

ное упоминание... в уголовной хронике.

Я собиралась ответить, но тут... он встал передо мной. Не в прямом смысле — он, как я помнила, сидел в кресле. Но его взгляд, тяжелый как монумент. Прямо на моём пути.

Амарель.

Глаза — тёмные, колкие, как ртуть на морозе. Лицо — спокойное, слишком спокойное для человека, над головой которого только что пролетела кастрюля с фаршем. Он смотрел на меня. Прямо. Без сомнения. Без пощады.

И в этот момент — весь мир... пропал.

Осталась только эта взгляд-связь-магия, пробежавшая между нами искрой. Настоящей. Бьющей прямо в грудь. Я увидела. Увидела не глазами — а чем-то глубже.

Огонь. Бой. Крик. Излом. Мощный дракон, сверкающий на солнце, и чёрное пламя, обвившее его крылья. Предательство. Проклятие. Боль, закованная в тишину.

Я отшатнулась. Резко. Словно вспышка внутри выжгла кусочек души. Он — не отреагировал. Только глаза стали... чуть глубже и темнее как шторм в океане.

Он коротко сжал пальцы, и взбесившаяся утварь замерла, затем опустилась на столы. Я протянула ему платок с брошью. Амарель узнал её, молча забрал и приколот к вороту; мне стало ещё стыднее за весь этот путь через зал.

— Ты, — произнёс он. Голос был как тень удара по металлу. — Я хочу увидеть, на что ты способна. Кажется пришло время сокращать количество конкурсанток. Приготовь

блюдо, которое пробудит мои чувства.

Я открыла рот. Закрыла. Голос отказался сотрудничать. Только кивнула. Потому что... а что ещё я могла?

— Сначала выдохни, — торопливо прошептала Эклер, прижимаясь к моей ноге. — Тебе ещё готовить. Не смотри на них.

Я медленно перевела на нее взгляд. Один из тех, который должен был испепелять.

Но она, конечно, лишь фыркнула.

А внутри меня уже знобило. Я оказалась в ловушке, построенной собственными руками, одобренной магией и приправленной паникой. И теперь мне предстояло спасти двор, накормить короля и не сгореть самой.

Ну и — возможно — понять, что за чёрт только что пробежал между мной и этим ледяным драконом в кресле.

И, главное, почему мне вдруг так хочется снова попасть под его взгляд. Даже если это смертельно. И, НЕТ. Я не влюбилась! Наверное...потому что не надо...мне вот это все. Только в груди уже щелкнуло и шоу началось.

Моё рабочее место всё ещё выглядело так, словно его зачаровала ведьма с чувством юмора и недостатком самооцензуры. Ложка, сдвинутая в сторону, ленивая, как кошка на солнце, при моём приближении подмигнула. А нож — да, нож! — изогнулся в нечто, отдалённо напоминающее реверанс. Если бы он ещё добавил: «Ваше высококовкусие», — я бы не удивилась. Хотя, возможно, слегка оцарапалась бы от

шока.

— Так, хватит театра, — проворчала я, закатывая рукава.
— Сейчас не время играть в кулинарное кабаре.

На столе раскинулись ингредиенты, и я всмотрелась в них с надеждой... и лёгким ужасом. Экзотические плоды, названия которых я могла бы только придумать (например, «ягодка-с-прыжком» и «мандарин-трепетун»), травы, мерцающие в ритме собственного дыхания, и корешки, которые определённо шевелились. Один даже попытался отползти. Я шлёпнула его обратно — с любовью и трепетом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.